

После восшествия на престол Сяо Юй стал действовать всё более решительно и безжалостно, а его характер сделался холодным и отстранённым. Прошло всего пять или шесть месяцев с начала его правления, а Сяо Юй изменился до неузнаваемости.

Эти пять-шесть месяцев — срок, конечно, недолгий, но его вполне хватило, чтобы превратить беззаботного юношу в хладнокровного и жестокого правителя.

Вскоре поползли слухи о ледяной жестокости Сяо Юя, и в народе его стали оценивать по-разному. Одни считали такие перемены благом, полагая, что правитель и должен быть суровым, другие же находили их пагубными, настаивая, что император обязан проявлять доброту и милосердие. Однако слухи остаются лишь слухами, и доверять им не стоит. В конце концов, как бы ни критиковали императора, при нём народ жил в достатке и благоденствии. А раз у простых людей не было причин для недовольства, то что могли возразить сановники?

...

Двенадцатый год правления Чэнхуа. Сяо Юй занимал трон уже двенадцать лет.

Он был девятым императором Бэйли, Сяо Юем, который взойшёл на престол ради того самого человека. На самом деле Сяо Юй был готов сиять от счастья, лишь бы этот человек оказался рядом. Даже если тот просто стоял поодаль, ничего не делая, Сяо Юй чувствовал, будто заново родился. Но теперь в этом бескрайнем мире остался лишь он один.

Двенадцатый год правления Чэнхуа, девятнадцатое число двенадцатого месяца. Ночь. Императорский дворец.

Весь дворец погрузился в ледяную тишину, а в Императорском кабинете стало и вовсе неуютно. Порыв ледяного ветра ворвался внутрь, заставив пламя свечей дрогнуть и добавив обстановке ещё больше гнетущего спокойствия.

В Императорском кабинете Сяо Юй лениво сидел у стола, с необычайным усердием поглаживая портрет, лежащий перед ним, словно это было редчайшее сокровище. В тусклом лунном свете, проникавшем через окно, можно было разглядеть его изящный профиль — поистине прекрасный и несравненный принц.

Почувствовав присутствие гостя, Сяо Юй слегка прищурился и негромко спросил:

— Ань И, что удалось узнать?

— Отвечаю господину: пока никаких точных сведений нет, — Ань И помедлил, а затем осторожно добавил: — Но я узнал кое-что ещё, не знаю, стоит ли говорить.

— Что именно? — Сяо Юй слегка нахмурился и поднял взгляд на Ань И. Его выражение лица стало чуть мягче, но от самого императора по-прежнему исходил леденящий холод.

— Канцлер привёз в столицу юного господина, они должны прибыть с минуты на минуту. По странному совпадению, этого юношу зовут Цзюнь Янь. И что ещё важнее, внешне он очень похож на покойного Регента Цзюнь Чэня, да и по возрасту они сопоставимы... — ответил Ань И, чувствуя тревогу и смятение.

— О? Какое совпадение! — Сяо Юй, казалось, ничуть не удивился. Он продолжал поглаживать портрет, и на его лице расплылась широкая улыбка, будто он был искренне рад этой новости.

Спустя некоторое время Сяо Юй, словно о чём-то задумавшись, с усмешкой обратился к портрету в своих руках:

— Раз так, то как я могу не встретиться с этим человеком? Иначе как я отплачу за все эти старания?

Ань И, застывший на месте, промолчал. В его голове крутилась лишь одна мысль: «Конец». Всё было кончено.

— Есть что-то ещё? — Сяо Юй заметил замешательство Ань И, но не стал акцентировать на этом внимание — или же посчитал, что это не стоит слов.

— Этот юноша... в его биографии не удалось найти ничего подозрительного, всё кажется совершенно обычным. Но его привёз Канцлер. Я подозреваю, что здесь замешан Канцлер, но не могу найти никаких существенных улик, — серьёзно ответил Ань И.

— Отправь людей следить за этим юношей, удели особое внимание тому, что происходит в резиденции Канцлера, — Сяо Юй слегка повернул голову, и в его взгляде внезапно промелькнули жестокость и скрытая угроза. — И продолжай поиски. Не упускай ни единой мелочи.

Тон Сяо Юя был ровным, почти безжизненным, но у Ань И внутри всё сжалось. Он поспешно ответил:

— Слушаюсь.

Его господин никогда не шутил. Любое его слово звучало как констатация факта, а чаще — как безоговорочный приказ. Ань И казалось, что он раскрыл нечто страшное, он сильно сжал ладони в кулаки, пытаясь успокоиться, но сердце продолжало бешено колотиться.

Получив ответ, Сяо Юй замолчал, и Ань И понял его без слов. Он знал привычки господина: если тот не продолжает разговор, значит, пора уходить. Ань И почтительно и бесшумно удалился.

После его ухода в Императорском кабинете воцарилась такая пустота, будто там никогда никого не было. Сяо Юй остался сидеть у стола, поглаживая портрет, погружённый в свои

МЫСЛИ.

Тогда ему было шесть лет, а Цзюнь Яню — четыре. Он любил каллиграфию и часто рисовал. Цзюнь Янь вечно ходил за ним хвостиком, просил купить кисти и тушь, дарил ему их, а иногда заставлял рисовать вместе. Сяо Юю казалось, что Цзюнь Янь — послушный ребёнок, который никогда не злился. Правда, он был немного неуклюж и не умел рисовать, но при этом гордился своими каракулями и с важным видом говорил: — Братец Юй, посмотри на мой рисунок! Когда я вырасту, я нарисую эти горы и воды, я нарисую, как живут в любви родители, и нарисую нас с тобой.

Казалось, давным-давно Цзюнь Янь сам занял в его сердце место родного человека. Но теперь лишь Сяо Юй рисовал облик Цзюнь Яня — всё тот же, пятилетнего мальчика.

<http://bllate.org/book/26972/3250607>